

свою структуру, функции, экспрессивный потенциал, оставаясь в пределах своих системных, фразеологических свойств, то есть не теряют своего узуального характера и тождества метафорического образа.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора.— М., 1979.
2. Козман С.М. Атрибутивный родительный падеж и его синтаксические синонимы в современном немецком языке.— М., 1961.
3. Петров В.Н., Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // ВЯ, 1990.— №3.

*О.В.ДЕХНИЧ
г.Белгород*

ОБРАЗОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ НА ПРИМЕРЕ ФИТОНИМА „NUT”

Основы для изучения метафоры как когнитивного средства были заложены еще в античности. Аристотель был первым, кто поставил вопрос об эвристических возможностях метафоры. Он утверждал, что метафора — это „несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии” [Аристотель, 1984, 669]. Уже Ницше провозглашал когнитивное значение метафоры. Он считал, что познание в принципе метафорично. Ницше рисует картину того, как язык создает постоянный поток концептуальных договоренностей, через которые в язык проникают новые метафоры. Они постепенно становятся общепринятыми, затем постепенно достигают пределов общепринятости. В этом процессе старые метафоры образуют рамки, внутри которых могут рождаться новые метафоры [Nietzsche].

Начало современным когнитивным дискуссиям положили исследования Э.Кассирера о символических формах в культуре. Э.Кассирер обращается к этапу дологического мышления, отложившегося в языке, мифологии, искусстве, религии. В языке выражены как логические, так и мифологические формы мышления. Основу мифологических представлений о мире Кассирер ищет в метафоре. В отличие от Ницше, он различает два вида ментальной деятельности: метафорический и дискурсивно-логический. Дискурсивно-логический путь состоит в ряде постепенных переходов от частного случая ко всё более широким классам. Это путь формирования понятий и законов естественных наук. Метафорическое освоение мира, в свою очередь, ориентировано на качественный параметр, оно интенсивно, в отличие от экстенсивного логического дискурса. Это путь формирования мышления в гуманитарных науках [ozersk.ru].

Метафоры, ранее изучавшиеся преимущественно в риторике, поэтике и стилистике, вошли в круг интересов философов, практических психологов, биологов, физиков, математиков, программистов. Аналогии, основанные на ключевой метафоре, вводит в свою систему автор теории фреймов М.Минский. Такие аналогии дают возможность увидеть предмет или идею „с

качествами” другого предмета или идеи, что позволяет применить знания и опыт, приобретенные в одной области, для решения других проблем. Метафора, по Минскому, способствует образованию непредсказуемых межфреймовых связей, обладающих большой эвристической силой [Минский, 1988, 291]. Философ М.Блэк, основоположник интерактивной теории, исследовал мыслительные процессы, лежащие в основе формирования метафорического значения. Механизм метафоры описан им как взаимодействие двух ассоциативных систем — обозначаемого метафоры и ее образного средства, в результате которого обозначаемое предстает под новым углом зрения, и этот новый фрагмент содержания получает через метафору имя в языке. Именно М.Блэк ввел понятие „когнитивная метафора”, отнеся к этому разряду метафоры, роль которых не сводится к орнаментальной и экспрессивной.

Среди множества современных теорий метафоры, наибольшее распространение в настоящее время получила когнитивная теория концептуальной метафоры (далее ТКМ) [Lakoff, 1987]. Дж.Лакофф и М.Джонсон утверждали, „что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути” [Lakoff, Johnson, 1980, 3] ТКМ рассматривает метафору, прежде всего как когнитивную операцию над понятиями и видит в ней средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях. Согласно ТКМ „переносу” подвергается не изолированное имя, а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной концептуальной структурой. Заметим, что основоположники ТКМ Дж.Лакофф и М.Джонсон излагали ее на уровне общей идеи, убедительно подкрепляемой анализом большого количества разнообразных примеров конвенциональных и креативных метафор.

Мир растений в семантическом пространстве языка — одна из малоизученных областей. Исследования, как правило, проводились в рамках ономастологии, теории номинации. Значение растений в словарях толкуется чаще всего через указание на семейство растений, вкусовые качества, географию распространения, через синоним. Некоторые фитонимы выступают в качестве названий растений лишь во втором своем значении. Мир флоры порождает и порождает в сознании человека гораздо меньше ассоциаций, чем мир фауны, хотя растениям в человеческой истории принадлежит значительная символическая роль (например, роза — эмблема Англии, клен — Канады и т.д.). Метафорическому переосмыслению подвергаются в основном наименование цветов (роза, лилия, нарцисс и т.д.), части растений (корень, ветка, лист, режа — овощи и фрукты, однако в этой группе по частотности распространения одно из ведущих мест занимает орех (nut).

Нашей задачей является изучение механизма образования когнитивной метафоры с использованием флористических номинаций лексемы „nut”. Проанализировав ряд источников, удалось составить схему (рис. 1):

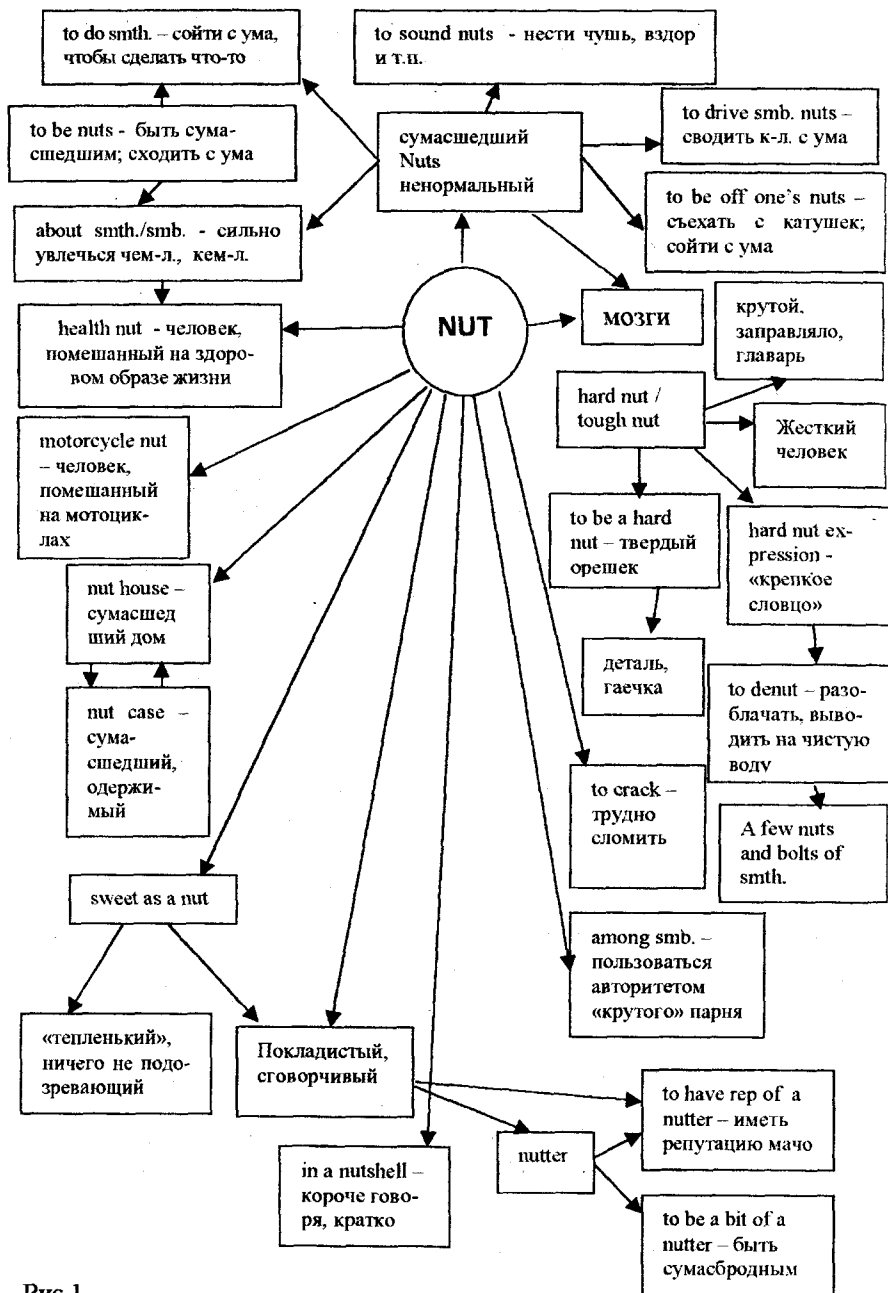


Рис. 1.

Здесь выделяются две большие группы метафор и несколько мелких групп. Первая большая группа носит в основном пейоративный характер и обозначает что-то связанное с сумасшествием, ненормальным состоянием психики (motorcycle nut — человек, помешанный на мотоциклах; health nut — человек, помешанный на здоровом образе жизни; nut house — сумасшедший дом; nut case — сумасшедший, одержимый; to be nuts — быть психически ненормальным, не в себе; to be nuts about smth. — сходить по чем-л./кому-л. с ума; to drive smb. nuts — сводить кого-л. с ума). Даже, метафора „health nut” — человек, одержимый здоровым образом жизни, на первый взгляд несет положительный заряд, но данный индивид слишком усердствует в своем старании оставаться здоровым и лишает себя определенных ценностей жизни: семьи, общения с друзьями и т.д. (You might call me a health nut,” Harold replied. „I have never smoked or drunk. I was always in bed and sound asleep by ten o'clock. And I've always walked three miles a day, rain or shine (Readers digest)). Вторая большая группа — аналогия, непосредственно базирующаяся на „физических” качествах ореховой скорлупы, носит амелиоративный характер, означая крепость духа, силовой авторитет, жесткую репутацию (hard nut/tough nut — „крепкий орешек”, „крутой”, главарь; жесткий человек; hard nut expression — „крепкое словцо”, nutter; to have rep of a nutter — иметь репутацию крутого, и блендинговое значение to be a bit of a nutter — быть сумасбродным: сочетает в себе качества первой и второй группы). (Barry wondered what all the hard nuts (главари) would think if they knew that Joey was a beast, and the worst kind of beast at that (M.Cole). All the girls liked Barry because he was a harel man with the rep of a nutter (репутация „крутого”) (M.Cole)).

Количественные показатели представлены такими метафорами, как „to put it in a nutshell” (вкратце, короче говоря) или „for nuts” (совсем, совершенно). (So, what you are telling me is, we tell them the truth but not the whole truth? Is that it? — In a nutshell, yes (M.Cole)).

В процессе метафоризации затронуты и вкусовые качества ореха „sweet as a nut” в значении „покладистый, сговорчивый” и „ничего не подозревающий”. (I'll clear it with Ivan — he'll be sweet as a nut once I explain. (M.Cole)).

Метафора ЧЕЛОВЕК — РАСТЕНИЕ относится к числу базисных метафор [Lakoff, Turner, 1989, 6]. Следовательно, можно сделать вывод, что фитометафоры обладают большим концептообразующим потенциалом, и при создании новой метафоры человек опирается на свое миропонимание, состоящее из определенной системы стереотипных эталонов и представлений, присущих данной культуре, привнося в них субъективный опыт и знания, тем самым „оживляя” конвенциональные (стершиеся) метафоры и создавая новые (креативные).

Литература:

1. Аристотель. Поэтика / Пер. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Соч. в 4-х т.— Т.4.— М.: Мысль, 1984.

2. Блэк М. Метафора//Теория метафоры./Под ред. Н.Д.Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.— С.153-172.
3. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. Когнитивные аспекты языка.— М.: Прогресс, 1988.— С.281-309.
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By.— Chicago: University of Chicago Press, 1980.
5. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason.— Chicago: University of Chicago Press, 1989.
6. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things.— Chicago: University of Chicago Press, 1987.
7. <http://www.metaphor.narod.ru/review/nietzsche.htm>.
8. <http://www.ozersk.ru/philosophy/ro2/kuter.ro2.shtml>.

О.Д.ДВОРНИК
г. Белгород

ВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ФОРМА КОММУНИКАТИВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Объектом исследования данной работы являются глаголы речи и говорения. Речь традиционно рассматривается как глобальная проблема в сфере научного знания. Именно речи принадлежит основополагающая роль в становлении человеческого сознания, в организации высших человеческих функций, в генезисе мышления, в осуществлении коммуникативной деятельности человека, в развитии человеческой личности.

Изучение речи (языка) имеет давние и прочные научные традиции. И именно в контексте лингвистических исследований впервые были представлены вопросы об активной деятельностной природе языка, его связи с духовной деятельностью индивида и духом народа [Гумбольдт, 1820], самого разграничения понятий „языка” как системы знаков, потенциального, социального образования и „речи” как „акта индивидуального пользования языком” [Соссюр, 1907-1910]; дифференциации „смысла” и „значения”, „денотации (денотата)” — „коннотации (коннотата)” [Фреге, 1892] и др. существенные вопросы.

Факт возникновения и развития проблемы речь (язык) в недрах лингвистики обусловил первоначальное, узколингвистическое определение речи как „языка в действии”, как деятельность выражения сообщения, воздействия. Существенно, что во второй половине XX столетия лингвистика опять „психологизируется”, а психология речи рассматривает языковые явления в единстве речь-язык, особенно, психолингвистических и нейролингвистических исследованиях.

Собственно, психологическая разработка речи (языка) началась на рубеже XIX–XX веков в Вюрцбургской школе в ходе исследования процесса мышления (О.Кюльне, И.Марбе). Наряду с одним из теоретических выводов вюрцбургцев о существовании „не наглядного знания” вне обра-